БИБЛИОТЕЧКА ЭКСКУРСАНТА

А. В. МИРТОВ

Глубокоуважаемому
Л. В. Щербе
автор

КАЗАЧЬИ ГОВОРЫ

ИЗДАНИЕ 2-ое, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

„СЕВКАВКНИГА"—1926

ОТ АВТОРА.

I.

Помещенная в этой книжке программа обследования казачьих говоров имеет в виду, главным образом, донские казачьи говоры, но не исключена возможность по этой же программе обследовать и иные русские казачьи говоры и говоры русских крестьян южных губерний СССР.

II.

Автор обращается к своим читателям с просьбой помочь ему в работе по донской этнографии присылкой материалов по следующим разделам:

1. Донские говоры.
2. Местные слова и типичные выражения.
3. Донские песни.
4. Донские частушки („страдания").
5. Донские сказки.
6. Детские игры, песни и прибаутки.
7. Казачья семья и свадьба. Семейные взаимоотношения; свадебные обряды и песни.
8. Народные суеверия: приметы, заговоры и пр.

Все присланные материалы будут приняты с благодарностью. Все использованные материалы будут напечатаны с фамилией приславшего их.

Своим корреспондентам автор не откажет и в присылке своих печатных работ.

А. В. Миртов.

Нахичевань-Дон,
29 линия, № 17.

Донские казачьи говоры.

Казачьи говоры почти не обследованы. Имеющиеся немногие описания или слишком общи или крайне частичны.

В «Сборнике отделения русск. яз. Академии Наук» за 1900 г. (т. LXVIII) помещена работа В. Ф. Соловьева под заглавием «Особенности говора донских казаков».

Работа эта недостаточно научна и редакция делает примечание: «Со многими грамматическими об'ясненнями автора нельзя согласиться». Работа была напечатана, как одна из первых по донской диалектологии.

Работа заключает в себе сырой материал и в спутанном виде. Автор в начале указывает, что на Дону должно различать три говора: 1) верховый (Хоперский, Усть-Медведицкий, часть Донецкого, 2-й Донской, 1-й Донской округа), 2) низовый (казаки, живущие в Черкасском, Ростовском и Таганрогском округах) и 3) «Черкесский» (Ст. Черкасск, Ново-Черкасск и некоторые ближайшие пункты),—однако автор, вместо ожидаемого отдельного обследования этих говоров, очень скоро переходит к разговорам о донских особенностях вообще.

Из 52 страниц этой работы 30 заполнены донскими словами («лексические особенности») без указания, где они бытуют. Говорить же, что это общедонские слова, лишь повредить обследованию действительных говоров.

Двумя годами ранее работы Соловьева в «Известиях отд. русск. яз. Акад. Наук» (в приложениях ко 2-й книжке III-го тома) была помещена статья М. Калмыкова (препод. Новочеркасск. мужск. гимназии) под заглавием: «Сведения о кочетовском говоре, собранные в хуторе Ещаулове, Кочетовской станицы». На первых четырех страницах (всего 20) автор говорит вообще о донских говорах, выделяя два коренных говора: «низовый и верховой».

«Низовый» то, что Соловьев назвал «черкасским». Между этими говорами Калмыков помещает средне-донской (от Старо-Черкасской до Цымлянской станицы). Кочетовский говор и представляет этот средний говор.

Деление, даваемое как Соловьевым, так и Калмыковым (заметим, что деления их не сходятся по намеченным границам), сделано, повидимому, «на глаз», приблизительно, без достаточных фактов.

«Московская диалектологическая комиссия» (Дурново, Ушаков, Соколов) собрала некоторые сведения о донских говорах (см. «Русск. Филол. Вестник», т. 68,2), но сведения эти настолько частичны и случайны, что даже к 1915 г., когда вышла диалектологическая карта русского языка (№ 4 «Р. Ф. В.» 1915 г.), данной комиссии приходилось говорить предположительно о целых округах Донской области. О трех северных округах здесь сказано: «Соловьев и Калмыков утверждают, что все население Хоперского, Усть-Медведицкого и Донецкого округов чисто великорусское».

Перед комиссией стоял еще вопрос (в 1915 году!) великороссы или украинцы населяют целые округа Донской области!

При этом комиссии пришлось сослаться на работу Соловьева от 1900 года!

Если еще в 1897 г. акад. Соболевский («Опыт русской диалектологии») жаловался на скудость научных сведений о донских говорах, то не так много оказалось сделанным и к 1915 году. Даже разграничение великоруссов и украинцев на Донщине комиссия делает не вполне уверенным тоном: «граница доходит до р. Донца, идет вниз по Донцу, и где-то (!) в з. углу Донецкого округа переходит на другой берег Донца, идет на юг и пересекает Черкасский округ во всю его длину с С.-З. на Ю.-В. западнее г. Новочеркасска (через станицу Старо-Черкасскую на Дону»).

Граница указана и нерешительно, да по существу и неверно. Ряд станиц западнее указанной линии (станицы Аксайская, Ольгинская, Елизаветовская, Гниловская и многие их хутора) ошибочно попадают в группу украинских поселений.

С другой стороны, украинские селения, занимающие большую часть территории Донецкого округа (по кругу: Журавка, Макеевка, Селигановка, Голодаевка, Большинская, Шарпаевка, Миллерово с его районом, Шептуховка), попадают по этим указаниям в пределы великорусских говоров.

Нисколько не улучшилось дело и с выходом в 1924 году «Русской диалектологии» акад. Е. Ф. Карского.

О донских говорах здесь всего несколько слов (и очень сомнительных): «Хоперский и Усть-Медв. v. О В. Д.—распространено сильное **яканье**, с обращением всякого безударного **е** в а (я), вяду, вяди, дярявенской, бяряги, хотя возможны и редуцированные гласные»

По нашим наблюдениям, такого **яканья** в указанных округах нет. Форма «дярявенскай» не здешняя, здесь звучит **«дирявенскай».**

Насколько в распоряжении ак. Карского были незначительны материалы по диалектологии Донской области, можно судить уже и по тому, что в историческом обзоре источников по диалектологии он говорит:

«Еще **интересные диалектологические данные находим** в следующих изданиях ».

Для Донской области указана работа А. Савельева «Сборник донских песен» СПБ. 1866 г.

Эта книжка, являющаяся библиографической редкостью, ценна как первый сборник донской **песни**, в диалектологическом же отношении она крайне бедный и сомнительный источник.

Ряд песен попал сюда из сборника Сахарова «Песни русского народа»; в каких местах Д. О. записаны остальные песни,—указаний нет. Записаны они с соблюдением орфографических условностей, с самыми малыми отступлениями в сторону диалектологии: **иде, што, мово** и несколько других случаев.

Проф. Н. Дурново в своем «Очерке истории русского языка» (1924 г.), говоря о типах аканья на Дону и в соседних губерниях, замечает: «точное распределение этого типа... на основании имеющегося материала сделать нельзя»... (81 стр.).

Все это говорит за то, что обследование донских говоров [1]) **еще дело будущего.**

---

[1]) Акад. словарь ссылается иногда и на рукп. сведения о донских говорах (от 90-х годов), хранящиеся в архиве Акад. Наук; есть несколько записей и в архиве Российск. Геогр. О-ва и две рукописи (№№ 39, 61) в делах Моск. Диал. Комиссии.

С этими рукописями нам не пришлось познакомиться, но, повидимому, они не представляют большой ценности. Большого материала для выводов Моск. Диал. Комис. они не дали.

Некоторый лексический материал имеется в следующих №№ «Донск. Областн. Ведом.» 1857 г. № 20, 21—значение слов Тума и Чига.

Неотложной задачей наших дней является собрать и записать местные особенности.

При нашем быстром темпе культурного развития городская культура, книга, литературный язык широкой волной идут в село и кто знает, не соберем мы сведений о народных говорах теперь, через несколько лет, быть может, во многих случаях будт и поздно!

В 1920 году нами с помощью студентов б. Донского Пед. Института в Новочеркасске и группы народных учителей приступлено к собиранию диалектологических особенностей Д. О.

Работа с нашим временным, но длительным от'ездом прекратилась, и теперь мы вновь приступаем к той же работе.

Записи 1920-21 г. в качестве сырого материала (пока недостаточного) имеются в нашем распоряжении.

Заселение Дона.

Русские славяне («вятичи») были на Дону еще до татарского нашествия[1]). Остались ли группы их здесь или они были потеснены к северу без остатка,—судить об этом нет достаточных оснований.

С конца XV в. начинается тяга на «Поле»: шли сюда казаки рязанские, мещерские, московские, казаки днепровские, волжские, новгородские повольники и т. д.

Григорий Котошихин, в ведении которого были донские казаки в 1666—67 г.г., писал о них: «а люди они породою москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, уходившие на Дон»[2]).

В 1675 г. казаки писали царю: «А на твою государеву отчину, на реку Дон приходят к нам... всяких чинов люди и иноземцы»[3]).

Преобладающим элементом, очевидно, все же были южно великороссы, остальные группы быстро ассимилировались им.

Больше следов оставили новгородцы. Переселение новгородцев, несомненно, было массовое. Заняли они первона-

---

№ 34. Несколько слов о верховцах **1874.** №№ 81, 82, 84, 87, 89, 90, 93, 96, 98—«Местные слова и выражения, употребляемые на Дону». Без территориального указания. **1875 г.** № 3, 10—то же.

Мы не упомянули еще о брошюрке Е. Савельева (1908 г.) «Типы донских казаков и особенности их говора», 15 стр., где автор, повторяя Соловьева, добавляет лишь десятка два казачьих слов, без указания, где они бытуют.

Не менее скудны сведения и о говорах терских и кубанских казаков и о говорах крестьян Ставропольской губернии. Некоторые сведения найдете в работах: **Караулов**—«Говор станиц б. Моздокского полка Терск. каз. войска». «Р. Фил. В.» т. 44, **Максимов,**—Терск. каз. войско «Терский сборник» 1891 г.

[1]) См. ак. Шахматов. «Введение в историю русск. языка».

[2]) См. «Сборник О. В. Д. Стат. Ком.», вып. 7-й, стр. 44: Новочеркасск, 1907 г.

[3]) Там же.

чально северные округа нынешней Донской области, где следом их являются многочисленные ильмени—озера, причем «ильмень» становится на Дону нарицательным именем —названием всякого озера. Новгородцы, очевидно, двигались по Волге на баркасах, привезли сюда и самое слово «баркас» [1]).

Повидимому, следы первоначального заселения Дона новгородцами имеются в говоре района Митякинской станицы. Поселения по Донцу и Деркулу относятся к древнейшим донским поселениям.

Микятинцы говорят: поддёржка, станёшник, давнёшний, гололёдица и т. д. Явление это, встречающееся и в некоторых других местах, вероятно, северного происхождения.

Вновь прибывающие волны, главным образом, южновеликорусских переселенцев заставили новгородцев продвинуться к югу. Южно-великороссы шли и к югу, они ассимилировали себе язык прежних поселенцев, сообщив им «аканье». В языке более южных групп донских казаков, впрочем, и до сих пор чувствуются северные элементы или следы их.

Здесь нет сильного аканья; обычны формы: мечик (мячик), племенник и т. д.

К сестры, на травы, нагулялси, набегалси, шшиплет (щиплет)—черты одинаково известные в новгородских и средне и южно-донских говорах.

Массовый наплыв на Дон южно-великороссов—явление сравнительно позднее, мы относим его ко второй половине 17-го века.

---

[1]) В языке донских казаков иногда встречаются резко северные слова В Хоперском округе мы встретили новгородское (известное и на севере Волги) слово «ва́дить»—термин детских игр, обозначающий служебную роль побежденного противника, напр, при игре в лапту. Отсюда дразнят:

«Мы нача́ли,
Мы скончали,
Мы завадили—пошли» (Ст. Урюпинская).

Наличие в Новг. говоре «вадить» отмечено у Даля.

Как в Новг. губ., так и на Дону пекут «пышки» (лепешка, выпекаемая на сковороде) и т. д.

Не случайно и то, что былины (в том числе о Садке) сохранились, кроме дальнего севера, также и в Донской области.

Есть предположение, что казачий круг—отражение новгородского веча.

«Всевеликое» войско напоминает Новгород—«Великий». Слово атаман производят от новгородского **ватман**—начальник ватаги, артели.

Свадебные обряды и песни донцов мы определили бы, как рязанско-орловско-украинские (смешанный тип), но есть в них и северные—именно новгородские.

Новг. песни «Из-за гор-то, гор высоких» (№ 1651 по «Великоруссу» Шейна, т. I, в. 2, стр. 499) и «Ты спасибо, кормилец батюшка» (№ 1656 у Шейна) известны и на Дону (сравни Листопад. № 89, стр. 126; «Д Газ» 1876, № 100 и др)—в нескольких вариантах.

Самый беглый просмотр казачьих дел середины 17-го века свидетельствует о еще сильном тогда здесь оканьи (очевидно северного происхождения).

В «Войсковой отписке» 1640 г. («Дон. Дела», т. II. № 17, стр. 34): атоманы и козаки, Офонасьев, к Зосиму и Совотею Соловетцким...

В Челобитной казака Никитина (там же, № 23, стр. 75): в Озов, с Озовскими казаки .

В Челоб Лосева 1641 г. (стр. 107): Ондреевич...

В Войск. отписке 1645 г. (стр. 654): роз'езжатца... Олександрович :: Ондреев.

В Войск отп. 1640 г. (стр. 16): атоманы и козаки... прислона к нам .. Озов... с дворенином... государская милость... послон дворенин...

В Челобитн. Федорова 1645 г. (746): козак, на вылоске (на вылаэке) .. на розмене...

В Войск. отп. 1646 г. (стр. 898): разорить... с снорядом и т. д.

В 80-х годах 17-го века бегство крестьян из южных уездов в донские степи принимает стихийный характер и центральное правительство начинает с ним борьбу. В 1682 году последовало первое запрещение принимать на Дон беглых крестьян и свободных людей.

Нам был задан вопрос (на нашем докладе о донских говорах Пленуму Северо-Кавк. Бюро Краеведения—16 мая 1926 г.), нет ли в донских говорах северного смешения ц и ч

Замена «ч» звуком «ц» наблюдается, как мы и указывали, в южном, «сюсюкающем» говоре (станицы Ст.-Черкасская — Елизаветовская),

но вероятно, местного, не северного происхождения.

Мы склонны видеть здесь влияние калмыков, о чем готовим особую работу.

Что касается северного смешения ч и ц, то должно отметить, что оно является не обязательным для севера СССР. В Новгородской губ., в ее центральной части, этого смешения нет (См Богород. «Общ. курс гр.» 315 стр.), как нет его и во многих говорах Ярославской и Владимирской губ. и др местах (См. Шахматов «Введение»).

В. Соловьев в статье «Особенности говора Новгор. уезда» (Сборник Отд. р-я. Ак. Наук, т. LXXVII, 1904 г.) указывает, что смешения ц и ч около Новгорода нет, встречается оно лишь в языке «пришлых нищих».

В «Опыте диалект. карты» Моск. диал. Ком. не раз подчеркивается, что этого смешения часто нет в говоре мужчин. Шахматов высказывает предположение, что эта особенность очень легко исчезает при встречах с другими говорами (мужск. население Яросл. и Владимир. губ., занятое отхожими промыслами, встречалось с говорами, не знающими, этого смешения).

Возможно, что эти же причины сказались и на Дону, если сюда когда-либо и было занесено северное смешение звуков ц и ч.

Авторы известного «Историч. описания земли Войска Донского» (1867 г.) на основании переписки Москвы с донскими атаманами пишут: «Около 1685 года последовало большое приращение в людях в городках, поселенных по рекам Хопру и Медведице, от бежавших туда из Тамбовского уезда разного звания людей... в 1690 году побеги на Дон всякого звания людей не только не прекратились, но

даже увеличились и при том до такой степени, что многие из пограничных к земле Войска Донского уездов совершенно запустели... С постепенным умножением разного звания людей на Дону казаки беспрепятственно занимали впусте лежащие земли по Дону, Хопру, Медведице, Бузулуку, Донцу и по впадающим в эту последнюю речкам: Бахмуту, Деркулу, Айдару и обеим Калитвам». (По изд. 1903 г. стр. 363—364). В настоящее время, судя по говорам, на Дону представлены южно-великороссы рязанско-тамбовской и орловской (в юго-зап. части Дон. обл.) групп.

Из других групп, оставивших следы в языке населения, должно отметить запорожцев — «черкассов» с украинской речью. Следы их чувствуются в пяти нижних донских станицах: бул, були, воны, ряд отдельных украинских слов и т. д.

От частного «бул, були» и шуточное прозвание низовых казаков булочниками (отмечено еще Е. Кательниковым в 1818 году).

Украинский элемент мог проникать в казачьи говоры и из позднейших встреч с украинцами, поселившимися в соседстве с казаками: районы Митякинской и Луганской станиц, украинские селения Черкасского, Ростовского и Таганрогского округов, украинские селения юртов Мечетинской и Егорлыцкой станиц.

В результате говор донских казаков на всем протяжении Д. О. оказался южно-великорусским (разных оттенков) наречием, местами с украинскими элементами.

Столкновения с татарами, позднее соседство с калмыками—дали в язык казаков ряд тюркских слов.

Отатарились в первую очередь виды и названия одежды, пищи, утвари—все это, так сказать, слова семейного быта.

Об'ясняется это частыми женитьбами казаков на пленных турчанках, татарках и калмычках.

В мужской язык татарских слов вошло меньше.

Татарское влияние особенно чувствуется с половины XVIII до половины XIX века, когда татары и калмыки фактически сломлены («замирены») и с ними начинаются частые мирные встречи. Линия татарского влияния: Цымла—устье Дона.

С конца XIX в. под влиянием городской культуры начинается вымирание в донских селениях татарских бытовых явлений (напр., костюмов, видов пищи и пр.), а вместе с тем и татарских слов. Вымирают кубелеки, безезики, каша уре... и т. д.

«Майдан», вытеснивший когда-то «станичную избу», теперь превращается в «станичное правление», и проч.

Об исконно пестром составе донского населения в настоящее время свидетельствуют крайне разнообразные донские фамилии.

Обще-Донские языковые особенности.

Общими для донских казаков являются следующие (южно-великорусские) черты:

1. Акание, т. е. произношение а и я вместо неударяемых о и е: **галава, ня знаю...**

Это акание по мере движения к югу Донской области значительно ослабевает, уступая дорогу иканью: переходу неударяемого **е** и **я** в **и: ни знаю, тибе, глидеть...**

Слова с окончанием на «о» и «е» произносятся с «а» (я), подобно словам женского рода. Отсюда вымирание слов среднего рода. Это, общее южно-велик. говорам, явление известно повсеместно на Дону, даже в районах без сильного аканья. В Хоперском округе: свиная сала, кислая молоко, большая окно. Вешенская ст.: пришла письмо с печатью. Еланск. ст.: две стадушки. Семикарак. ст.: «Ва той груши гниздо золатая, в той гнизде три гадины»... Грушев. ст.: «Разнесчастная дитё»...

2. Мена звуков **в** и **у:** чем южнее, тем эта мена (под влиянием украинских говоров) чувствительнее: **вдарил, узвар, удава.**

3. Звук «г» произносится длительно, как латинское h.

4. Следы древних форм: **у мене, у сестре, у куме.**

5. **Уехамши, сказамши, выпимши... Гламный, сламный, дамно...**

6. Мягкое окончание ть в глаголах в 3-м лице: **сидить, сидять.**

7. Формы: **просю, ходю, весю, видю...**

8. Окончания: **кя, кю, хя, хю:** маманькя, Ванькя, чайкю, на верьхю.

Подобные формы зарегистрированы нами в станицах Филоновской, У.-Медведицкой, Казанской, Краснокутской, Багаевской, Грушевской—повидимому, они повсеместны.

9. Падежи: Р.: у мене, у сестре, у маме. Д.: к сестры, к мамы. П.: в долины, на улицы.

10. Падежи: По заборах, по садах, по ямах, по полях.

Донские диалектизмы.

Не давая пока точных границ отдельных диалектических донских групп, укажем, что их значительно больше, чем отмечено в литературе.).

Несомненны четыре основные группы.

I. Верхо́вый говор. Сюда относятся казаки по Хопру, Медведице и Дону от ст. Казанской и, приблизительно, до ст. Усть-Медве́дицкой. В станицах Краснокутской, Чернышевской и Милютинской тот же говор, но с некоторыми чертами средне-донского говора.

Главнейшие особенности верховцо́в:

1. Сильное **акание и якание** (вне зависимости от ударяемого слога): **сястра, ня знаю, ня буду, гняздо́, чаво.**

Верховцы «чаво́шники».

В Усть-Медведицкой ст. уже «чиво».

2. «е» во втором до ударени слоге звучит, как «и»: **сирябро, сиряда, пирявоз..**

3. Особо отчетливое «тя» в случаях «няситя, хадитя, давайтя..

4. Губные на конце слова звучат мягко, как в литературном языке: голупь, крофь, семь, степь и т. д.

5. Наличие звука «ф»: Филип, Федо́сья, Федосеевская станица или в просторечьи «Федосе́ф».

В других донских говорах «ф» заменяется (в корнях слов—особенно) звуками п, хв, х, кв.: Пилип, хворма, Хведя, квасоля, цыхра и т. д.

6. В области лексики много «русси́змов»: изба, гумно́, пруд, сарафан, зипун, поддевка, портки, ведро и т. д.

Слово «зипун» здесь самое обычное, на юге же Дона его «и не слыхали даже» (Маныческ. стан.)

Верховцо́в можно разделить на два подговора: 1) район Казанской, Вешенской, Мигулинской, Еланской станиц и 2) казаки по Хопру и Медведице.

У первых больше «мягкости» в языке; чаще: тябе, сябе, не только **чайкю, чайкя,** но и чайке́м, молочке́м.

Их дразнят:

«Бегить сабака. Хвост крючке́м, а я за ней с дрючке́м (с палкой).

У второй из указанных групп наряду с **Ванькя,** услышите (и часто) **Ванька.** Реже **молочке́м.** Табе, сабе.

---

*) Крупнейший из знатоков Дона, его быта и истории, ныне покойный Х. И. Попов, писал:

«Необходимо изучить особенности (говоров) с полною подробностью, а такое изучение покажет, что не только известные группы станиц, но иногда и ближайшие одна к другой станицы имеют свои особенности в говоре». Примечание к «Истор. сведению о В.-Курмоярской станице». Евл. Кательникова от 1818 г. по изд. 1886 г., стр. 49.

Указывают, что верховцов дразнят чигой («чига востропузая» или «припузая») и ставят это в связь с особенностями говора.

Первый это предположение высказывает еще Евлампий Кательников («Ист. свед. о В.-Курм. станице» 1818 г.), ставя его в связь с северно-донским произношением «чаго». Однако, это оспаривается большим знатоком быта верховых казаков Х. И. Поповым: «приведенное замечание оказывается неточным, так как в разговоре казаков мужчин такие слова (чаго) совсем не употребляются. В прежнее время, правда, в некоторых из верхне-донских станиц в разговоре женщин, действительно, можно было услышать подобное произношение, но это доказывало только позднейшее поступление в среду казаков «новопришлых» великорусских людей, в особенности женщин, вывезенных казаками из России по случаю женитьбы и не успевших еще переработать сво особенности» (примеч. I к указ. соч. Кательникова по изданию 1886 года, стр. 49). По нашим наблюдениям слово «чига» известно по всему Дону и является дразнением казака вообще (наши записи от Елизаветовской и Гниловской до Казанской и Филоновской станиц).

Вот образцы («обрящики) этого говора:

При вечари вечарочки,
При вясёлам при дянёчки
Собирала Таня девачкаф
И сажала их за убраный стол...
...Адна Таня пад няволюшкай.
Ты радимай мой братиц
Заряди свою вянтовачкю...

Уш скóра, скóра пóист (поезд) грянить,
Званок унылай празвянить,
Кавой-та здесь из нас ня станить,
Кавóй-та пóист уташшить.
Я в ету горькаю мянуту
С сваёй размилай прастаял.
Последний раз пажал за ручкю:
— Прашшай, размилая,—сказал.
У ней из глаз сляза бляснула,
С валиенья падымалась груть.
Сказла—-милай, ни забуть»...

Зап. в Арженовск. ст. Хоперск. округа.

II. Средне-донской говор. К этому говору относим казаков от Усть-Медведицкой и Распопинской станиц, вниз по Дону, до Константиновской и Семикаракорской ст.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы определенно свидетельствуют о нескольких подговорах в этой групе, но характер и границы этих подговоров нам еще недостаточно ясны.

Черты этого говора:

1. Нет сильного аканья-яканья.

Вместо неударяемых «о» и «а» часто *) слышится глухой

*) Обычно во втором до ударения (но не начальном) слоге и в слоге после ударения (но не на конце слова).

звук, более близкий к «ы», чем к «а». Звук этот будет обозначать значком бывшего «твердого знака»—ъ: гълавѣ, вилъми, шубъми и т. д.

Местами этот глухой звук столь краток, что почти выпадает.

Более определенна эта черта в говоре казаков Краснокутской [*]), Чернышевской и Милютинской станиц, занимающих переходное место.

На-ряду с сильным яканьем здесь глухие твердые гласные:

Къчаточки прапеля,
Заря знъялася,
А я болю пръвадила
Слязой зъляла́ся.

Мой милёнъкъ такой ловкъй,
Он прайдеть, качнёть галовкъй.

Х. Кутейников, Краснокутск. ст.

Автор статьи в «Дон. Обл. Вед.» (1874 г., № 12), имея в виду, очевидно, этот говор, пишет:

«Верховый говор резко отличается от низового какою-то упругостью в произношении и судорожностною интонациею. Это происходит от того, что гласные звуки без ударения почти скрадываются или произносятся глухо: п'расён'чик, ут'чка, к'лакольчик и т. д.».

2. Явление **якания** [*]) в этом говоре более слабо, чем у верховцев: «Я» звучит в слоге непосредственно перед ударяемыми у, и и ы: сястру, сястры, цвяты (тьвяты), нясу, няси; однако: нисла, нисешь, чиво, зимля, рибой и т. д.

Это, как говорят, диссимилятивный тип яканья. Отрицание «не» всегда равно «ни»: ни знаю, ни буду.

3. В окончаниях имен прилагательных наблюдается явление (также диссмилятивное):

1) под ударением: маладуя жану, залатуя денишку и т. д.

2) Без ударения на окончании: стараю карову, малаю дитю...

4. Подобно верховому говору, губные в случаях: рупь, крофь, семь, степь и под. звучат мягко.

5. **—ся** во втором лице и формах на—**лся, —мся** звучит, как— **си: умарилси, напилси, смеешьси, погуляимси....**

6. Если **ся,** приходится после гласного звука, то звучит, как **ся, умарилася, умарилися, ни балуйтися...**

7. Формы: , идутя, пайдутя—район Потемкинской—Филипповской станицы. Образцы этого говора:

---

*) Краснокутская станица сравнительно нового происхождения, в ее составе много «приписных» казаков.

*) Яканьем считаем переход неударяемых **е, л,** в **я.**

I.

Не вари кашу крутуя
Вари жидинькяю,
Ни люби девку худуя,
Люби сытинькяю.

Краснокуг. ст.

II.

Яблонькя мая садовинькяя,
Я тибе садила, паливала,
Живот—серца надрывала.
Ни вилел мне госпòть
Вапракудывать тибе,
Ни вилел вдоль по садику хадить,
Па зилёному гулять,
Сладки яблочки рвать,
На блюдъчку класть,
Ко милу дружку носить
На высок тёрим.

С.-Георгиевская ст.

III.

На гаре, на солнушки
Расцвяли падсолнушки,
А пачиму ани расцвяли—
Нáс с милым развяли.

Х. Кузнецов, Семикар. ст.

IV.

Ва пòли, Стамбòли
Стаить груша зилёная
Во той груши гниздо золотáя,
Во той гнизде три гадины:
Первая гадина рибáя,
Другая—чернáя,
А третья—серáя.

Из заговора от укуса змеи.
Семикар. ст.

III. Донецкий говор. Говоры станиц, расположенных по Донцу и речке Кундрючей (ст. Владимирская, В.-Кундрюческая), должно отнести к особой группе*).

1. Здесь вас прежде всего поразит обилие усеченных форм 3-го лица глаголов: хòдя (ходит), éдя (едет), будя (будет) и т. д.

Правда, эту черту можно встретить и в других местах, но на ряду и с полными формами, здесь же почти исклю-

*) Этот же говор охватывает и хутора Раздорской и Кочетовской станиц, с меньшим украинским влиянием.

чительно усеченные формы (для глаголов с ударением на основе, а не на конце).

В Багаевской станице, напр., довольно обычны усеченные формы, но здесь встретите:

«Мая пилачкя ни пилить,
Мой рубà̀нок ни биреть,
Мине батинькя ни женить,
Мать савету ни даеть»...

Иная картина в Донецких станицах:

«Чириз речку рябинка лижала,
Чириз быстру зилёная лижала,
Да лижала мой свет, да лижала.
Да нихто по рябинушки ни **ходя,**
Никавохунькя да ни **водя,**
Да ни **ходя,** мой свет, да ни **ходя,**
Да чернòй собаль **пириходя,**
Пириходя, мой свет, **пириходя,**
Да он кунушку **пириводя**
Да он чернаю **пириводя,**
Пириводя, мой свет, **пириводя** (и т. п.).
Чириз речку рябинка лижала,
Чириз быстру зилёна лижала;
Да нихто па рябинушки ни **ходя,**
Никавохунькя да ни **водя.**
Да Алешачка **пириходя,**
Да Михайлавич **пириходя,**
До он Полюшку **пириводя,**
Да Ивановну **пириводя,**
Пирвидёмши иё, **пацалуя,**
Да надёжаю **называя:**
Да надёжа мая, ты милà̀я,
Да ты радасть мая, дарагая».

Усть-Б.-Калитвенская ст. (По записи Листопадова. I т. Труды Музык.-Этногр. Комиссии в Москве, 1905 г.).

Это постоянное **будя, ходя** поразит вас сразу, едва вы свернете к северу уже от станицы Раздорской на Дону—в хуторах Каныгине, Мокром Логу и далее.

2. В области гласных звуков здесь **диссимилятивное якание:** лятитя, сястрица, бяри, сями разòв, Катярина, запляту, сабяру, к няму и т. д. Однако: гаричó, пличó, систрà, чивò, завсидà, бис чáю, слизà̀ми.

3. Особенно ясное —тя в глагольных окончаниях (вместо—те), как бы с добавочным ударением: жèнитя, дáйтя, прихадитя, уздумайтя, сядитя...

4. Сильное украинское влияние, увеличивающееся по мере движения к северу по Донцу:

а) частая мена у—в: в мене, у глаза, усё, усе, узял и т. д

б) твердые губные на концах слов: сем, голуб, бров, кров...

в) более часто, чем где-либо на Дону, мелькают украинские словечки: нема, дюжа (дуже), трошки, вечерять и т. д.

5. Обычен (особенно ясен в произношении) вин. пад. прилаг. на—уя: другуя ночь, жану маладуя...

6. «Щ» произносится как долгое **«ш»:** шшакóча (щекочет), сабáчишша,

7. Окончание «ся» звучит:

1) здрастуетца, радуетца;

2) обозвалсы, садилсы;

3) занимаисси, облыгаисси.

В донецком говоре надо выделить луганско-митякинский подговор, где не только обильны украинские формы и лексические особенности, но и фонетическая основа языка очень близка к украинской. Особенно это должно сказать о хуторах Луганской станицы.

«Як митякинцы да луганцы ни казаки, так чертма таких казакив»—смеются над ними соседние (Каменск. ст) казаки.

Особенно достается луганцам:

— Становись, хлопци, рядами, к кумовой хате передами... Марш, дэ атаман сидыть!

Савельев рассказывает о луганцах и след. анекдот:

— Казаки на конь! — командует офицер. Одна часть казаков толчется на месте.

— Кто вы такие?

— Да мы, дядечка, луганцы...

— Чего же вы не садитесь?

— Да у нас коней нема, одни кобылки.

Намек на то, что луганцы плохо понимают по-русски.

Образцы Донецкого говора.

I.

— Хрóська!

— Чиво?

— Хади суды, и идè ты тóльки пропадаиш? Хади вичéрить, зави папанькю, Питра да Акулькю... да захвати гарбуз, бяри ажиновскай...

— А какия святки (цветы) я рвалà у лясу антирéснаи... Маманька! ты жа абищалась показать мине, как винок сплясти, а то маи квятки прападуть...

— Пакажу апасля, тольки мине тыи махóтки (горшки для молока), да кушины пабанить (помыть).

Хут. Дубовой, Митякинской станицы.

II.

... Я тада тибе пушшу,
Когда косу распляту,
Да надвоя запляту...

Н.-Кундрюч. ст.

IV. Низовые говоры. К низовым относятся говоры станиц Багаевской, Старочеркасской и ниже до Елисаветовской и х. Государева включительно.

Группа станиц: Семикаракорская, Кочетовская, Раздорская, Мелиховская занимают переходное место между тремя говорами: средне-донским, донецким и низовым.

1. Уже в районе этих станиц услышите «ми», «ви» и особенно слог «ри: риба, рили яму и т. д. Но здесь также обычны и слоги ры,—мы,—ты. Иная картина от Багаевской станицы и ниже: здесь исключительные ми—, ви—, ри—придают особый колорит всей речи.

Когда приехавший из других мест «русак» («русапет», «русь», «музлан», «хохол», «сипа» и т. д.) подсмется над этими «ми—» и «ви—», то услышит от багаевца:

«Ми да ви—богови люди, а ви—хами». Хамы——намек на крепостное состояние крестьян, чего не было у казаков.

Риба, мило (мыло), **пиль** и под. вошли в говор городского населения Ростова и Новочеркасска.

Казаки верхних станиц дразнят новочеркассцев:

«Ми да ви, бики да корови ишли да пиль високо подняли».

Или:

«Наша быстрокопитная кабила воз с камишом на Пашинную*) гору так и вихватила».

Казаков Манычской станицы дразнят:

«Маныч—бистрая рика, там сами (сомы) бьютца, аж пиль сталбом ».

2. Второй чертой, резко выделяющей низовые говоры, является смешение свистящих и шипящих звуков, часто в виде обратной замены, а иногда и в форме сюсюканья.

Черта эта вымирающая **), обычно наблюдается в языке женщин и детей.

---

*) Спуск от Троицкой церкви к р. Тузлову.

**) Вымирание этой черты отмечает Соловьев (1900 г.), также Е Савельев в своих «Типах д. казаков».

«В настоящее время говор этот под влиянием народных школ и полкового обучения казаков до того сгладился, что не далеко уже время, когда он совсем исчезнет». Стр. 13.

Старочеркассцы о себе говорят, что они лишь «прихватывают на «сы», т.-е. нет-нет да и сорвутся на сюсюкающее произношение и отсылают в Елизаветовскую станицу, где уже «наворачивают на «цы-сы». В настоящее время, действительно «наворачивают на цы-сы» на Обуховке в Елизаветоской станице и на х. Государевом. В ст. Аксайской только помнят о подобном говоре (1926 г.).

В. Соловьев высказывает два предположения о происхождении этой черты: 1) «Можно предположить, что этот говор искусственный, т. е. явившийся из подражания кому-го, вследствие жеманства — желания отличиться и нравиться. Так заставляет предполагать то обстоятельство, что говор этот явился среди горожан».

Предположение это маловероятно, тем более, что и границы этого явления значительно шире, чем указывал Соловьев: по его мнению, это говор Старочеркасска и выходцев из него. По нашим наблюдениям, черты смешения (з, с, ц, ч, ть) встречаются уже в Мелиховской станице и нарастают по мере движения вниз по Дону.

Отдельные случаи зарегистрированы нами даже в Федосеевской сг. Хоперск. окр. (святы—цветы) и в В.-Курмоярской (цемечки—семечки). «Святы» и в Митякинской ст. Цавоза—чего же: Нагавская станица.

2) Второе предположение Соловьева—влияние приазовских греков, сюсюкающих при попытках говорить по-русски. Соловьев ссылается на поездки казачек в Мариуполь на богомолье.

Это предположение тоже вызывает некоторое сомнение. Массового соприкосновения казаков с приазовскими греками не было, поездки в Мариуполь—единичные случаи, также единичные случаи и браки с гречанками.

Мы склоняемся к мысли о калмыцком влиянии.

В Мелиховской ст.: **чельный** месяц, **чельное** вино; также в Раздорской сг., в Маныч. ст.: **Маныцкая станица, анчихрист, поцак** (подсак—орудие для подсачивания рыбы), здесь же и ниже в Грушевской ст.: **сабаш** (шабаш!), в хут Белянине, Багаевск. ст. записаны нами: **цавò** (чего),, **тистый** (чистый), в Новочеркасске: **шишнадцать** и т. д.

Е. Савельев дает образцы этого говора:

«Ми поставили угодницку свецецки чи помолились Бозыцку.

«У нас под крисай крыши завелись».

«У нас в Черкашке и Акшае риба нонича шавшем не ловица», — говорят между собой старочеркасские торговки.

«Нонича рушаки и кошари все хлеба пожабрали, — гараторят аксайские бабы».

(«Типы д. каз.», стр. 13).

В 1926 году этих явлений в станичных селениях Аксайской и Ст.-Черкасской станиц мы уже нашли.

Это вымирающее шепеляво-сюсюкание живо в гирлах Дона. В х. Государевом: сто (что), вопце (вообще), около шешти чашов, согласайся (соглашайся), **висни** (вишни), ноцью, ноцуют, нонце, вовоць (овощь) и т. д.

В х. Рыковом Ст.-Черкасской станицы мы наблюдали (в 1926 г.) шепелявость, но без сюсюканья.

3. Третьей чертой низовых говоров является нарастание украинских элементов по мере движения от Багаевской станицы к устью Дона: оны, вон (он), вона, ишли и т. д.

4. Как след украинского влияния нужно отметить и твердые губные в случаях: сем, голуб, кров, руб и т. д.

Кстати, звонкие на концах слов удерживаются так же, как и в украинском языке.

Черта эта отмечена нами во всех нижних станицах от Елизаветовской до Багаевской.

5. Мы уже указывали, что по мере движения вниз по Дону усиливается **икание**, т. е. произнесение безударных **е, и, я** в положении непосредственно перед ударением, как **и**.

Черта эта отмечена нами уже в районе Семикаракорской и даже Константиновской станиц. В районе х. Арпачина. Ст.-Черкасской ст. и ниже икание — обычное явление: в лиску, на писку, лисок, писок, гниздо, рибой и т. д. В редких случаях слышали мы звук «я» в положении перед ударяемыми **у** и **и**.

Резкая грань между Багаевской ст. и х. Арпачиным, Ст.-Черкасск. станицы (расстояние около 15 верст).

Сравните:

I.

«... Ни падушки, ни пярины,
Ни милай дятины.
Сястрицы падрушки,
Няситя падушки.
Сястрицы катярины,
Няситя пярины».
А што принясли, прямитя,
На бóльшая извянитя!

Багаевская ст.

II.

«Растворитися варота
Раскатится калéса.
Выйди же, маминька, пасматри,
Чиво тибе баяри привизли.
Привизли скринку и пирину
И маладую книгиню.
Да привизли авечичку-ярачку
Да вашаму Ванички парачку,
Да привизли авечичку сы бабром,
А Ванички сы дабром.

Х. Арпачин, Ст.-Черк. ст.

6. Как особую черту низового говора должно отметить полное отвердение **р** и частую замену звука **л** звуком **р** в

Государевом («Государовом») хуторе: крычить, варэники, дурма (из «дулма»—калмыцко-казачье кушанье), малярыя, рамонг, сарви (твердое **р**), барын, прывозять, говоры, трэтий, чорт те беры и т. д.

Казаки иных станиц дали Елизаветинской станице (х. Государев принадлежит к этой станице) прозвище **волкулака** (укр.: вовкулака — оборотень). На Государевом хуторе произносят «варкулака».

V. Смешанные говоры. Район южных станиц (Ольгинская, Хомутовская, Кагальницкая, Мечетинская, Егорлыцкая, а также казачьи станицы Сальского округа) принадлежат к смешанному говору. Станицы эти новообразованные из казаков различных округов с большой примесью украинцев в районе Мечетинской и Егорлыцкой станиц. В Егорлыцкой станице преобладают фонетические украинские особенности.

Как собираются диалектологические сведения.

1. Укажите свою фамилию, адрес, социал. положение возраст.

2. Укажите, где и от кого записывали. Хорошо записывать речь неграмотных—в их речи нет влияния письменного языка. Хорошо выбрать лицо, не только родившееся в данной местности, но и постоянно там живущее.

3. Не делайте диалектологических записей на песенном материале. Записывать песни, заговоры и т. д. очень ценно, но это делается с другими целями. Язык песни часто традиционный (не современный живой), в нем могут быть посторонние влияния и т. д.

Песенный материал может быть приведен лишь в случаях, если он не противоречит проверенным вами языковым фактам.

Если возьмете слова из песни, то всегда укажите: «из песни».

4. Большую помощь в записи и в отыскании лиц окажут вам учителя и учащиеся того места, где вы хотите произвести запись.

5. Хорошо, если обследуемое лицо не знает ваших прямых целей. Пусть думает, что вы записываете местные пословицы, шутки, сказочки, отдельные слова и т. д., а не самый способ произнесения их.

6. Совершенно не считайтесь с орфографией. Пишите, как слышите.

Слышите «ишшо» и пишите «ишшо», а не «еще». Слышите: **Хроська, чаво, чиво, у лясу...** так и пишите.

7. Над каждым словом поставьте ударение.

8. Все непонятные слова об'ясните в скобках.

9. Не прочитав и не продумав прилагаемой программы-вопросника, не торопитесь с записями.

10. Дайте записи ряда отдельных слов по указанным далее пунктам, но, кроме того, дайте и **цельную запись** сказки, отрывков разговора и т. д

11. Стремясь к более точной записи, вместо мягкого знака пользуйтесь значком запятой сверху буквы. Например: пер'вый, вер'хний и т. д.

Знаками «ь» и «ъ» в точных записях передают **глухие гласные** (не полного образования). Если звук близкий к «е» и «и» произносится **средне** между этими звуками, не приближаясь достаточно ни к одному из них, то ставьте «ь».

В лично моем произношении «пятачок» лучше передать формой «пьтачок». Первый гласный — глухой мягкий.

Если звук произносится средне между «ы» и «а», то пользуйтесь знаком «ъ»: «пъламал, зъкричал» Если пользуетесь «ь» и «ъ», а равно и другими знаками для передачи фонетических особенностей, то укажите это в примечании к записи.

12. Имейте в виду, что язык (особенно в словарном составе) может быть различен в зависимости от:

А) **возраста.** Язык детей, взрослых, стариков;

Б) **пола.** Язык мужчин, язык женщин;

В) **социального положения:** язык землепашца, рыболова и т. д.

Язык зажиточной части населения иногда значительно отличается от языка всего поселка.

Здесь встречаются попытки вставлять (в исковерканном виде) книжные и городские слова, подражание языку городских торговцев и т. д. Харузин («Сведения о казацких общинах на Дону», стр. 77) подчеркивает, что слова «папаша» и «мамаша» бытуют только в богатых семьях. Здесь же супруги говорят друг другу «вы» и проч.

Описание говора*).

(Программа-вопросник).

Гласные звуки.

Особое внимание обратите на произношение гласных (е, прежнего Ѣ, и, я) в слоге непосредственно перед ударением.

---

*) В ответах на программу достаточно ставить номер параграфа и ряд примеров против него.

Ответы посылать: Нахичевань-Дон, 29 линия, № 17, А. В. Миртову.

Ответы будут суммированы и напечатаны с фамилией собирателей.

Здесь надо проследить шесть случаев (в зависимости от ударяемого гласного).

§ 1. Как у вас произносятся слова (или подобные им):
Всегда, сестра, жена, не знаю?
В лесах, река, беда?
Зима, пришла?
Рябая, пятак?

§ 2. Как произносятся слова:
Перо, его, Егор, берёт?
Не тот, не тронь, не дом?
Чего?
Гнездо, венок?
Лицо, вино?
Рябой, святой, поясок?

§ 3. Как произносятся слова:
Сестру, берут, несу, ему?
Не буду, не тут?
В лесу, на снегу?
Рябую, трясут, лягушка?

§ 4. Как произносятся слова:
Ерши, держи, две сестры, жены?
Не ты, не мы?
У стены, цветы, следы?
Две пилы, без иглы?
Ряды, две гряды?—

§ 5. Как произносятся слова:
Неси, летит, терпи, жених?
Не битый, не бритый?
У реки, грехи?
Тряси, гляди?

§ 6. Как произносятся слова:
Сестре, жене, летел, на земле?
Сидел, свистел?
В гнезде, на реке. уцелел?
Не дело, не целый?
Глядел, на гряде?

Примечание. Ответ на первые шесть параграфов даст нам возможность определить тип яканья—икания говора вашей местности.

§ 7. **Глухие гласные.** «О»и «А» без ударения обычно в южно-великорусских говорах произносятся, как «а»: **вада, галава, сарока** и т. д. Однако, иногда (после ударения и во втором слоге до ударения) на месте «а» или «о» слышится глухой звук, более близкий к «ы», чем к «а». Звук этот будем обозначать знчаком бывшего «твердого знака»: **гълава, утъчка, лавчъка** и т. д.

Как произносятся слова (или подобные им): барабан, потолок, покажи, подумай, уточка, лавочка, ворон, запад, порох?—

§ 8. Не звучат ли глухо и **Е, И, Я** в слоге после ударения (но не на конце) или во втором до ударения? Обозначить этот звук значком Ь.

Как произносятся слова:

Теснота, берегом, сниему, осень, полдень?
Пирожок, приходи, мальчики, мальчик?
Пятачок, прямиком. с упряжью, с поясом?

§ 9. **Гласные в начале и на конце слов.**
Как произносятся:
Один, олень, скоро, много?
Дайте, в хате, в море, горе?

§ 10. **Гласные в соседстве с шипящими и «Ц».**
Как произносятся:
А. После шипящих и «Ц»:
1. Жених, жалеть, часы, челнок, в шелку, шагать?
2. Царя, цепо̀чка, церковный, целовать.
Б. перед шипящими:
Лежат, лежит, вяжу, плечо, мечом, дешевый. решетка?

§ 11. **Замена гласных.**
1. Нет ли замены начальных «О» и «А» звуками **У** и **И:** угурцы, угород, утопри, уторви, ипять, игонь, итец, идна?
2. Нет ли «У» внутри слов вместо «А» и «О» (особенно около г, к, х или б, п, м): кумари, курагод, рукува̀, думать, лупага, пупал, у пупа (попа)?—

§ 12. Нет ли случаев:
1) со́дишь, то́щишь, во̀ришь, ко̀тишь, бро̀нится, ско̀мьи, в ко́зну?
2) поддёржка, гололёдица, давнёшний, станёшник, румя̀ная?

§ 13. Нет-ли «е» вместо ожидаемого «я» (а): мечик, стучеть (стучать), стучел, брунчел, жужжеть, затрещел, племенник, ерик?—Еще примеры?

§ 14. Не приближается-ли «ы» к «и», как под ударением, так и без ударения:
Високо, вибрали, пильно, мило (мыло), бики, риба, криша?

§ 15 Нет-ли: помола, закрола вместо «помыла», «закрыла»? Другие примеры?—

Согласные звуки.

§ 16. Нет-ли взаимной мены **у—в:**

1 Уместе, усе (и «увсе»), устал (встал), унук, удова, уздумал, вдарил, вмер, вдача, вкрал?

2. Деука, прауда, траука, даука, короу (коров), кроу, готоу (готов), с серцоу?—

3. В брата, в сестры, в нас, у хате, у балке, у доме?

§ 17. Нет-ли случаев: восы, вусы, вутка, вулица, ув яру, ув балке, уво всех?—

§ 18. Нет-ли мены **у—л—в—:** вовк, воук, ходив, ходиу, довгиий, доугий, тыкла, вòшки (ложки)?—

§ 19. **Губные согласные.** 1) Мягкие или твердые окончания в словах: степь, степ, голубь, голуб, рупь, руп, семь, сем, кровь, кров?

2) Как произносятся слова: щепки, щепьки, губки, губьки, лапки, лапьки, лавки, лавьки?—

§ 20 Нет-ли мены в—м:

Главный—гламный, славный—сламный, давно—дамно, гувно—гумно, приехамши, выпимши и т. д.

§ 21. **Глухие и звонкие.**

1. Как произносятся слова: боб, гвоздь (гвость?), мороз, кровь, пирог, голубь?

2. Как произносятся слова: сделал, вторник (фторник?), сбегал, лавка, голубка, замазка?

§ 22. Как произносится «г»: ближе к **к** или **х**? Взрывное или длительное «г»?

§ 23. Нет-ли слогов гя, кя, хя, гю, кю, хю:
Ванькя, копейкя, чайкю, на верхю?
Есть ли **кя, кю** и др. после «ч»: **дочка? дочку?**

§ 24. Нет ли мены **г, к, т, д: рути, ноди, копейтя, катие татие?**

§ 25. Произносят ли «ф»?
1. **Федор, Филип, факт, фрукт?**
2. **Хведор, Пилип, хвакт, хрукт?**

§ 26. Произносят ли: **хто, кто, что, што, конечно, конешно, пшеничный, пшенишный, станичный, станишный, почта, пошта, паспорт, пачпорт, пашпорт, перечница, перешница, привычный, привышный, бакча, бахча, бакша.**

§ 27. Твердо или мягко произносится **р** в случаях:
1) рюмка, тряпка, грязь, граница, рады, правда, образчик?
2) верхний, первый, церковь, свербит, армяне?—

§ 28. Твердо или мягко произносятся шипящие и **«Ц»:**
1. Жарко (жярко), жук (жюк), шаль, шуба, чан, чурка, чей (чэй)?
2. Царь, отец (отець), церковь?

§ 29. Нет-ли мены «Ц»—«Ч»: чельный, курича, цуцела, черква?

§ 30. Нет-ли мены «Ц»—«ТЬ»—«С»: курица, светы (цветы), тьветы, яйсо, улиса?

§ 31. Нет ли мены: «Ж», «Ш»—«З», «С»: кружка, жаножа, носка, Маса, сто (что—што)? Как произносят: цветки, семечки, шестнадцать, уничтожить?

§ 32. Как произносят «Щ»: товарищ, щука, еще, щи, щетка?

§ 33. Как произносят: дождя, дожьжя, дожжа, вожди, вожьжи, вожжы, дрожди, дрожьжи, дрожжы, еждю, езжу, ежьжю, ежжу?

Формы слов.

§ 34. Какого рода слова: 1) масло, сало, молоко, поле, окно; 2) степь, гусь, собака, пыль, полынь?

Глагол.

§ 35. Твердое или мягкое окончание 3-го лица:
1. **Он сидит, звонит, они сидят, звонят?**
2 **Он сидить, звонить, сидять, звонють?**

§ 36. Есть ли усечённые формы 3-го лица: **будя, он знае, он хоче, он бере?**

§ 37. Есть ли формы: **ходю, сидю, люблю, спю, весю, пустю, глядю?**

§ 38 Как говорят: **могу, можу, хочу, хотю, бегу, лягу, ляжу, пеку, печу?**

Дайте спряжение этих глаголов, а также глагола **говорю.** Поставьте на всех формах ударение.

§ 39. Как говорят:
1) ведёшь, ведёт, ведём...?
2) ведешь, ведет, ведем...? (с звуком «э»).

§ 40. Как говорят:
1. **знаешь, делаешь, гуляет...?**
2. **знаэш, делаэш, гуляэт...?**

§ 41. Как звучит «ся» в глаголах:
1. стараешься, садится, смеются...?
2. стараешьси, садитси, смеютси...?
3. стараешьсы, садитцы, смеютцы...? Иначе?

Существительные.

§ 42. Нет ли падежей:
Р. **У сестре, у маме...?**
Д. **К сестры, к мамы...?**
П. **В долины, на улицы...?**

§ 43 Нет ли случаев: **по заборах, по полях, по садах?**

§ 44. Есть ли формы: дома, леса, города, или только **домы, лесы, городы?**

§ 45. Есть ли формы: лошадя, частя, степя, снастя?
§ 46. Просклоняйте **я, ты, себя** («сибе»? «сабе»?).
§ 47 Не говорят ли: **судьдя, платьтя, свиньня?**

Прилагательные.

§ 48. Как говорят:
1. доброга, синега, милога...?
2. дборова, синева, милова...? Иначе?
3. моего, моево, твоего, твоево?
4. того, тово, кого, ково? Иначе?

§ 49. Нет ли произношения ее (не «её») самое (не «самое»), одное, одное?

§ 50. Нет ли форм: 1) **тэй, однэй, злэй, такэй?**
2) своёй, моёй, твоёй?

§ 51. Нет ли форм: **жену маладуя, большуя птицу, воронуя лошадь?**

§ 52. Нет ли форм тв. пад. с окончанием «уй», «ую»?
С белую собакую, с длинnуй палкуй, жених с невестуй?

Ударение.

§ 53. Поставьте ударения на следующих словах соответственно местному произношению: праздничный, товари-

щеский, сельское хозяйство. высоко, брала, гнала, пропили, поняла, понял, понять, с детями, деньгами, волки, волка, поминки, говоришь, глупые дети.

Дайте ряд слов, где местное ударение расходится с ударением литературного языка.

Местные слова.

§ 54. Какие из следующих слов известны в вашей местности? Что значат слова, отмеченные знаком вопроса? Поставьте ударения.

Абы как, аж, ажина (или живика), азатки, азям, айданчик, алала (?), аливáда или левада, алёй, аманàт, àмором, арьян, (или ирьян), атара, бабайка, багнò, базы, байда, байдик, (?), бакча, бахча, бакша, балванеть, бáнить, баркас (?), беда (повозка), белезень, белезека, бескишèчный. бой (земля), болезный, болечка, боля, брехать (о ком?), брòиться, бурсáки (?), бучара (?), бузавик (телок), бутèть, быкадòр, бырка, вàдить (виграх), ванда (?), варзно (?), варок (?), ведрó, вечèрить, вайò (?), владаный, вместный, возилка (?), воловище (?), вора̀ (вор), вспопàшиться, встревáть, выкобеливаться; выкомаривать, выколашиваться, выкоблучиваться, выход (?), вытягать. гадиться (?), газ, гальмовать, гаманок, гамузом гапелька, гарнàтки, гарнушка. гатить став, гергеня (?), гич, глàдушка, гной (?), гондобить, горонить, гребовать, грубка, гумно, гундосить, гуска, догожать, домачность, дробина, дрогаль, дулма, дурноед, ерандак, жалиться, жалковать, жарёл, жарня, жердёлы, жерёлок, жировка, забориться, забòрка (?), забродчики, забурунный, завеска, завозно, загомозило, загарнать, задавáка, заевый, займище, закулёманный, закуска (?), замстило, запаска, запàсли, (в играх), заплавы, зараз, зарочье (?), застрамить, здоровкаться, зебры, земчуг, зинчик. зипун, зитинное масло, зон, зорюет, игрец. избà (?), ильмень (?), индиановый, ишол, кабась (?), кабица (?), казан ?), кайдал, каймàк, камсà (?), кандель, карвать, карпетки, катёлка, катèтка, катламы (?), кацы (?), качка (?), качур (?), кашара (?), каюк. кирибарда, кладка, клюшки (?), кожух, колючка (?), компличка, коник, корец (?), коренная рыба (?), кожух, кош, красненькие, крейда, круглик, круглый дом (?), кубарь, кубло̀, кубыть, кузмирки (?), кукобить (?), кужонок (?), кульдя, кулючки, кундюбый, кура, курень (?), куркуль, курючок (?), кутёнок, кутун (?), кутырь, кучугуры, лагутка, ладыжки, лангух, лапас, лапатина, ласкирь, ластовица (?), лепух (?), лизень, лодка (?), лой, ломотные яблочки («красненькие»), луданый (?), любаш, маделый, малахольный, мамалыга. марахветка, махомет, махотка, мокитра, мо-

сол, мосты (?), навесить на печку (?), навынторот. надась, наймичка, нардек, нарочи, нескулёбный, нерано, нема, нехай, обнести, обошлись, обселюция, обыденкою, огузок, огудина, односум, опух, опашка, оселедец, оскамёлочки, осмыгаться, остарковатый, остарновать, откидное молоко (?), поддёржка, пилав, пилов, плов, пешака, пихра (?), писклок. племенник, подхожалый, позычить, полсть, поличка (?), попас, поршни (?), постав, поцак (?), причандалы, пробн. прынч, пущай, радёмая, рогач, резник, рундук (?), рюхи (?), рядно, сабарно, сакма, салки (?), сàлить (?), сапа, сапетка, (?) свекры, сежи (?), себро (?), сипа (?), скаженный, скель (?), скобёл, скондобить, смалец, собина, снугрять, собить (?), спека, став, станёшник, сторчит, страхолюдный, сюзьма, тарабарки, точёк, твань, текуч (?), трошки, тягулёвка, тютина. убеч, ужака, удова, уклейка, фортка, фотожен, хабары, ханжей, хата, хижка, хоронки, хрептух (?), хрептина (?), хурдун, худоба, цыбатый, цыбарка, цыберка, чабак, чабан. чакан, чельный, чемизин, череда, черьга, чига (?), чичер, чик и бук, чугин, чувал, чурлюк, чилик, чудок, шабай, шабёр. шаверь, шарба, щерба, шашель, шибка, шумнуть (позвать), шутейный, щи, ятка.

Слова, отмеченные знаком вопроса, в разных местах имеют различное значение. Что означают они у вас?

§ 55. Дайте ряд других местных слов:

1. Название частей усадьбы, строений, утвари, одежды, пищи, ремесел и их орудий, земледелия, рыболовства и т. д.

2. Дайте ряд местных ласкательных и бранных имен и слов.

3. Соберите местные фамилии. Разумеем фамилии коренного населения.

Как называются в вашей местности: арбуз, тыква, дыня. свекла, помидоры?

Поставьте ударения над словами.

§ 56. Укажите еще ряд особенностей, не охваченных нашими вопросами.

Донокрлит 6936. Ростов на Дону. Тип. „Труд. Дон". Зак. 713—2.000.